

АКАДЕМИЯ НАУК ТАДЖИКСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

ТРУДЫ, т. СХХ

ПАМЯТИ
МИХАИЛА СТЕПАНОВИЧА
АНДРЕЕВА

СБОРНИК СТАТЕЙ
по истории и филологии
народов Средней Азии

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК ТАДЖИКСКОЙ ССР
СТАЛИНАБАД
1960

Р. Г. МУКМИНОВА

НЕКОТОРЫЕ ДАННЫЕ О ТЕРМИНЕ „ЧУХРА“

(по среднеазиатским источникам XVI в.)

Войны занимали одно из ведущих мест в истории средневековых государств. Это объяснялось тем, что наряду с эксплуатацией феодально зависимых крестьян, присвоение военной добычи являлось важным источником дохода государства и феодальной знати. К тому же, как отметил Фридрих Энгельс, „Основное отношение всего феодального хозяйства— пожалование в лен земли за определенные личные услуги и дань— даже в своем первоначальном, простейшем виде давало достаточно поводов к ссорам, в особенности когда так много народа было заинтересовано в том, чтобы находить поводы для смут“¹.

Не случайно поэтому, что описание войн и военных походов занимает одно из главных мест в произведениях средневековых историков Средней Азии, в частности в таких сочинениях, как „Бабур-намэ“ Захириддина Бабура, „Шейбани-намэ“ Мухаммед-Салиха, „Абдулла-намэ“ Хафизии-Таныша и многих других.

Подробно отображая военные действия, авторы указанных сочинений обычно перечисляют и участников сражений, которыми при крупных походах являлись не только простые воины, военная знать и феодальные правители, одновременно бывшие военачальниками, но также и почти все административные лица. Автор известного исторического сочинения „Абдулла-намэ“— Хафизии-Таныш среди участников военного похода называет атолыков, парвоначи, шигаула, ишикаго, накиба, козиаскара, дивонбеги, ясоула, ички, ходжей, „советников и собеседников меджлиса“, а также придворных писателей, поэтов, музыкантов и т. д. Среди перечисленных участников военных действий нередко упоминаются также чухра и чухрааго, или чухраако (чухраагоси, чухраакоси).

Ниже мы хотим несколько подробнее остановиться на термине „чухра“ и тем самым несколько расширить имеющиеся в литературе сведения о нем.² Как и многие другие термины, термин „чухра“ прошел определенный путь своего развития. Мы остановимся здесь на

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. I, стр. 444.

² Имеющаяся по этому вопросу литература затрагивает вопрос о значении термина «чухра» в более позднее время истории Средней Азии, на чем мы останавливаемся несколько ниже.

данных о термине „чухра“, извлеченных нами из отдельных среднеазиатских памятников XVI в. Данные эти имеют целью дать некоторые предпосылки для понимания его значения в конце XV—XVI вв.

Термин „чухра“ в сочинениях рассматриваемого времени встречается обычно в прибавлении к какому-либо личному имени. Носители этих имен в основном упоминаются в связи с описанием военных событий и выступают как участники отдельных межфеодалных войн. Приведем, например, некоторые данные о чухра из „Бабур-намэ“ Захириддин-Мухаммед Бабура: Халиль-чухра „хорошо повоевал, его руки дошли до дела“; Нуман-чухра пал в сражении; „в Хисаре стоял Ширим-чухра с отрядом отборных йигитов. Хотя беки бросили свои земли и ушли, эти люди не сдали крепости Хисара и укрепили ее“, а несколько ниже говорится, что Ширим-чухра с несколькими отборными молодцами вступил в сражение.¹

Подобные данные, когда носители звания чухра являлись участниками военных действий, можно было бы привести и из других сочинений. Во всех таких случаях чухра упоминаются наряду с другими участниками военных событий и принимают участие в сражениях.

По сообщению Хафизы-Таныша, некоторые чухра, оказавшие особые услуги шейбаниду Абдулла-хану II (1557—1598 гг.), были переведены в разряд ясаулов, из чего следует полагать, что рядовые чухра по своему положению были ниже ясаулов.

Из чухра комплектовались отряды, которые также упоминаются в связи с военными событиями. Так, Хафизы Таныш говорит о „фавджи (группа, отряд) аз чухрахо“ (فوجی از چهره‌ها), который выступал в боях с противниками. Группы из чухра становились в бою на правом и левом флангах, и соответственно этому сами чухра делились на левых и правых.

Рядом с чухра упоминаются и чухраака (чухраакоси). Видимо, они возглавляли отряды из чухра. Нередко при описании военных сражений в одном и том же военном сражении называются несколько чухраако. Так, в одном из боев (в период возвышения Абдулла-хана II) одновременно участвуют Тулек-чухраакоси, Назар-чухраакоси, Джан-Али-чухрабоши и др.² Абдулла-хан II высоко оценил боевые услуги одного из них—Назар-чухраакоси, пожаловав ему сумму в 10 тысяч хани.³

В мемуарах Захириддина Бабура встречается выражение „чухра чиркоси (джаргоси)“ (چهره جرگاسی)⁴ в смысле „группа“, „отряд чухра“. По словам Бабура, при тимуриде Султан-Абу-Саид-мирзе (1451—1469 гг.) был отряд хорасанских чухра—„Хорасан чухраси чиркоси (джаргоси)“ (خراسان چهره‌سی جرگاسی) и самаркандский от-

¹ Бабур-намэ, Записки Бабура, перевод М. Салье, отв. ред. С. А. Азимджанова, Ташкент, 1958, стр. 126, 180, 181.

² Хафизы-Таныш, Абдулла-намэ, рик., ИВАН УзССР, № 9262, л. 161а.

³ Абдулла-намэ, л. 159а. Хани—монета ханского чекана. Подробнее см. И. И. Умняков, „Абдулла-намэ“ Хафизы Таныша и его исследователи, Записки коллегии востоковедов, т. V, Л., 1930, стр. 324—325, примеч. 3; а также М. Е. Массон, Монетные находки, зарегистрированные в Средней Азии в 1930 и 1931 годах, Ташкент, 1933, стр. 12.

⁴ Бабур-намэ, или Записки Султана Бабера, изд. в подлинном тексте Н. И. [Льминским] (в дальнейшем „Бабур-намэ“ в подл. тексте), Казань, 1857, стр. 19, 37, 217; М. Салье چهره‌سی جرگاسی переводит как «отряд телохранителей» (см. Бабур-намэ, Записки Бабура, Ташкент, 1958, стр. 41, 202).

ряд чухра, который Бабур называет „Самарканд чухра тобини“ (سمرقند چهره تاييني). В другом месте своего сочинения он сообщает, что когда Хорасан и Самарканд попали под власть Султан-Абу-Саид-мирзы, годные к делу молодые люди—ийгиты обеих столиц, „составили особый (специальный) отряд“—„хоса тобин“ (خاصه تايين), который назывался „Хоросан чухра тобини“ (خراسان چهره تاييني) и „Самарканд чухра тобини“ (سمرقند چهره تاييني)¹.

Таким образом, хоросанская группа чухра называется Бабуром то как „хоросан чухра чаргоси“, то как „хоросан чухра тобини“, что позволяет понимать эти выражения в рассматриваемых примерах в одном и том же смысле и предположить, что при описании дальнейших событий, в главе „События 913 г. х.“, Бабур, сообщая о „хоса тобин“ в связи с разбивкой своего войска перед сражением на отряды по десять и пятьдесят человек и делением их на правое и левое крыло войск, имел в виду отряд чухра.

Из всего этого следует:

1) „Чухра чаргоси“, „чухра тобини“ и „хоса тобин“ употребляются Бабуром в смысле отряд, группа чухра. В этом же смысле переводится „хоса тобин“ в словаре, составленном для „Бабур-намэ“, издания 1949 г.; „хоса тобин“—определяется здесь как „группа специальных воинов“, а слово „тобин“,—как „сорок человек, сорок молодых людей йигитов, группа воинов“². Сам Захириддин Бабур дает определение характера „хоса тобин“, на чем мы остановимся несколько ниже.

2) Указание Захириддина Бабура, что в „хоса тобин“ (خاصه تايين) при Абу-Саид-мирзе вошли „годные к делу йигиты“ (ايش كا يارار) (ييگيتلار) как и выше приведенные данные из главы „События 913 г.“, позволяют утверждать, что хоросанская группа чухра и самаркандская группа чухра в основном выполняли службу военного характера.

3) „Хоса тобин“ в данном случае можно переводить как специальный отряд.

Упоминание о специальном отряде чухра, находившемся на личной службе у тимурида Абу-Саида, не единично. Другое свидетельство о подобном же специальном военном отряде относится к самому началу XVI в.

В своей поэме „Шейбани-намэ“ в главе, посвященной описанию встречи Шейбанихановских войск с войсками монгольских ханов Султан-Махмуда (умер в 914/1508—1509 г.) и Султан-Ахмеда (умер в конце зимы 909/начало 1504 г.) и поражению последних от узбекских войск, Мухамед-Салих сообщает об отрядах чухра. Эти сведения автор дает вслед за сообщением о численности узбекских войск, действовавших во главе с Мухаммед Шейбани-ханом (1488—1510 гг.), о племенах, входивших в состав этих войск, а также о нукерах и баходурах Шейбани-хана. Судя по контексту, эта группа чухра выполняла специальную военную службу. По словам Мухам-

¹ Бабер-намэ, в подл. тексте, стр. 19.

² Захириддин Мухаммед Бобир, Бобирнома, II ч., подготовили к изданию Порсо Шамсиев и Содик Мирзоев, отв. ред. Я. Гулямов, Р. Набиев, Ташкент, 1949, стр. 254, 256; см. также Л. Будагов, Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, СПб., 1869, стр. 328.

мед-Салиха, чухра Мухаммеда Шейбани-хана в количестве около одной тысячи человек сопровождали его; хан „держал их при себе“ и был „постоянно спокойным“—

جمهورسی مینک بار ایدی نام بنام
توتوبان الیدا دایم آرام¹.

„У него было около тысячи чухра, (известных) по именам. Держа (их) при себе, (он был) всегда спокойным“.

Это сообщение Мухаммед-Салиха также свидетельствует о том, что чухра принимали участие в военных событиях, что они составляли группу, отряд воинов чухра, что этот отряд играл при Шейбани-хане роль личной гвардии—поскольку он мог себя чувствовать „спокойным“ от того, что с ним перед сражением были его чухра.

Значительный интерес представляют сведения Мухаммед-Салиха о количестве чухра Шейбани-хана. Мухаммед-Салих, являясь одним из приближенных Мухаммеда Шейбани и будучи хорошо знаком с составом и характером узбекских войск, должен был знать численное количество войск Шейбани-хана, преувеличивать же число воинов, окружавших Шейбани-хана при встрече и сражении с противником, было не в интересах Мухаммед-Салиха, как сторонника узбекского хана. Поэтому можно полагать, что сообщение Мухаммед-Салиха о чухра Шейбани-хана в количестве около одной тысячи человек приблизительно верно, а это свидетельствует о том, что число отряда чухра могло достигать значительного количества.

Следующее упоминание об отряде чухра, несшем ханскую службу, встречающееся в указанных нами сочинениях, относится ко времени деятельности Абдулла-хана II. Описывая одно из военных столкновений, Хафиз-Таныш указывает, что в нем во главе с Назар-чухраакоси, который, между прочим, упоминается им неоднократно, принимали участие триста человек „из ханских чухра“ (از جهره گان)².

То, что служившие хану чухра называются ханскими, подтверждает высказанное выше предположение о том, что из чухра комплектовались ханом отряды для личной военной службы.

Отряды чухра были на службе и у отдельных удельных правителей. Так, Хафиз-Таныш сообщает: „... балхцы, которые были изгнаны из дворца сахиб-керана, из-за крайнего принуждения, придя в Самарканд, считали себя в рядах чухра (درسلک جهره گان) Музаффар-султана“³. Неоднократно указывается на чухра и в ополчении Захриддина Бабура (о чем мы упоминали выше), в период, когда он был удельным правителем, и во времена его скитаний. Упоминаются чухра и среди воинов отдельных беков⁴.

Кроме участия в военных сражениях, некоторые из чухра принимали активное участие в политических событиях страны. Так, известно, что Султан Хусейн-мирза (1468—1506 гг.) отдал Балх Ибрагим-Хусейн-мирзе и оставил с ним Шах-Хусейн чухра и Мухаммед-Вали-бека.

В другом месте Бабур сообщает: Сейид-Хусейн Акбар, Султан-

¹ Мухаммед-Салих, Шейбани-намэ, джагатайский текст посмертное изд. проф. П. М. Мелиоранского, СПб., 1908, стр. 138.

² Абдулла-намэ, ркп., л. 161а.

³ Там же, л. 186а.

⁴ Бабер-намэ, в подл. тексте, стр. 36.

Али-чухра и еще некоторые беки, вельможи и йигиты Хусрау-шаха были замешаны в заговоре против Хусрау-шаха. При перечислении эмиров самаркандского правителя тимурида Султан-Махмуд-мирзы называется Аюб, который при Султан-Абу-Сайид-мирзе служил в вышеупомянутом отряде хорасанских чухра (خراسان جهره جو كاسي دا).

Он являлся воспитателем сына Султан-Махмуд-мирзы Байсункар-мирзы¹. Среди эмиров ферганского правителя, тимурида Омар шейх-мирзы, также упоминается Али-Дервиш, который ранее служил в отряде хорасанских чухра². Один из известных беков Султан-Хусейн-мирзы—Бехбуд-бек, ранее служивший в отряде чухра (جهره جو كاسيدا), позже стал одним из приближенных Султан-Хусейн-мирзы. По свидетельству современника, Султан-Хусейн-мирза некоторое время чеканил монету с его именем, а также ставил имя Бехбуд-бека на тамгу³.

Перечисленные нами факты говорят как о распространенности термина „чухра“ во второй половине XV и в начале XVI вв. так и о той роли, которую играли чухра в феодальном обществе того времени.

Можно еще добавить, что в васика (купчей) Аллоёр-бия-додхо, составленной в 1719 г., упоминается некий Саригкенти-чухраакоси, который являлся сыном Куглук-атолика; его братьями называются Ишон-бой-бий и Сейдкул-баходур⁴. Это сведение в некоторой степени также свидетельствует о политическом положении чухраакоси в начале XVIII в. в Бухарском ханстве.

Некоторые данные о чухраако и его положении в Бухарском ханстве в более поздние века сообщают русские исследователи XIX в. Так, по Н. В. Ханькову, в Бухарском ханстве „Первый военный чин есть Аляман, соответствующий нашему армейскому солдату..., выбранные из них и составляющие воинскую свиту эмира называются Галя-Батур. Они производятся во-первых в Дях-Баши, имеющие под командой 10 человек и в Пянджа-Баши, командующие 50 человеками, отсюда следуют чины, даваемые по ярлыку первого раздела они суть: Чури-Агасы (имеется в виду „чухраакоси“—Р. М.), Мирза-Баши, Джибочи, Караул-беги...“⁵

В. Л. Вяткин о чухрааго пишет следующее: „Каждый воин, сообразно званию и положению, получал херадж и танаб, т. е. с определенной площади посевов и клеверников зерно и клевер в том размере, который следовал в казну в качестве налога. В одном из приказов эмир [Хайдар (1800—1826 гг.)—Р. М.] пишет относительно размеров следуемых военным людям окладов: „выдайте джебачиям и чинам выше джебачи по 6 гау посевов, чухраакасы и чинам пониже по 4 гау, десятникам, которых я послал, по 3 гау... (т. е. налоги с этих земель—Р. М.)“⁶. Далее В. Л. Вяткин пишет, что чухраакоси „приказано числить как дахбаши (десятников)“⁷.

¹ Бабер-намэ, в подл. тексте, стр. 37.

² Там же, стр. 19.

³ Там же, стр. 218.

⁴ Документы к истории аграрных отношений в Бухарском ханстве XVII—XIX вв., в. 1, Подбор документов, перевод, введение и примечания О. Д. Чехович, под ред. А. К. Арендса, Ташкент, 1954, стр. 155.

⁵ Н. В. Ханьков, Описание Бухарского ханства, СПб., 1843, стр. 184.

⁶ В. Л. Вяткин, Каршинский округ, организация в нем войска и события в период 1215—1217 (1800—1803) годов, Ташкент, 1928, стр. 17.

⁷ Там же.

Таким образом, приведенные нами данные русских исследователей также свидетельствуют о том, что чухраакоси и в XIX в. выполняли военные обязанности.

Несколько обособленно от вышеприведенных данных стоит сообщение о чухра А. А. Семенова: „Чухра-огоси—چهره آغاسی,—пишет он,—второй чин в восходящем порядке в б. бухарской администрации и дословно значит „начальник придворных пажей“, фактически однако (по крайней мере за последние годы), никто из „чухра-огоси“ этой обязанности не нес“¹. В другой своей работе А. А. Семенов несколько расширяет эти сведения. „Чухра-окоси (по бухарскому произношению) дословно—начальник придворных пажей; иначе он назывался чухра-око-боши (چهره آقا باشی)². „Служба чухра-акаси заключается в отправлении обязанностей мухтасиба среди стремянных (جلو داران) в джилов-хане (или джилау-хона)“³.

Делая краткий вывод из приведенных выше фактических данных, извлеченных из исторических источников, мы приходим к следующему заключению.

1) Термином „чухра“ в XVI в. в основном обозначали определенный воинский чин.

2) По своему положению чухра были ниже ясаула (а по данным, относящимся к более позднему времени,—ниже джебачи).

3) Чухра были как в войсках верховного правителя, так и в ополчениях удельных правителей.

4) Из чухра комплектовалось особое войсковое соединение, во главе которого, видимо, стояли чухраако. Разные авторы называют соединения из чухра по-разному, но назначение этих отрядов было одинаковое—несение военной службы.

5) Возможно, отряд чухра являлся личной гвардией ханов.

Однако сам термин „чухра“ генетически обозначал не только все вышеуказанное. В названных выше сочинениях слово „чухра“ применяется и в специфическом смысле—„мальчик“ „бача“. Например, описывая внешность и качества уже упомянутого тимурида Султан-Махмуд-мирзы Захириддин Бабура сообщает, что он занимался порочными делами, пил вино и держал чухра; по его словам, если Султан-Махмуд-мирза встречал красивых юношей, то он любимым способом обращал их в чухра, даже если они являлись сыновьями беков. Именно из-за этих отрицательных качеств отца, по мнению Бабура, сыновья (اوغلان لاری) Султан-Махмуд-мирзы погибли рано⁴.

Чухра-бача были и при дворах крупных феодалов⁵. Характеризуя того или иного эмира, рассматриваемые нами авторы как отрицательную черту этого лица приводят сведения о том, что этот феодал держал у себя чухра (چهره ساغلاز ایدی)⁶.

¹ А. А. Семенов. Очерк поземельно-податного и налогового устройства б. Бухарского ханства, Ташкент, 1929, стр. 17.

² В примечаниях к «Муким-ханской истории» Мухаммед Юсуфа Мунши А. А. Семенов расшифровывает понятие слова «паж» в применении к истории Узбекистана: «Чухра-баши—начальник придворных пажей, телохранителей» (Мухаммед Юсуф Мунши, Муким-ханская история, перевод с таджикского, предисловие, примечания и указатели проф. А. А. Семенова, Ташкент, 1956, стр. 278, прим. 441).

³ А. А. Семенов, Бухарский трактат о чинах и званиях, «Советское востоковедение», 1948, V, стр. 150.

⁴ Бабер-намэ, в подл. тексте, стр. 32—33.

⁵ См. Абдулла-намэ, л. 1856.

⁶ Бабер-намэ, в подл. тексте, стр. 17, 219 и др.

Видимо, в этом же смысле можно понять сообщение, касающееся молодости уже упомянутого Хусрау-шаха. Известный в конце XV—начала XVI вв. эмир Хусрау-шах, одно время служивший тимуриду Султан-Махмуд-мирзе, в дальнейшем очень возвысился и был правителем областей от Аму-Дарьи до Гиндукуша и имел войско нукеров в количестве до тридцати тысяч человек. В детстве же „он особо близко служил тарханным бекам, возможно, являлся их чухрой“

(*کیچیکلیکیدا ترخان بیگلاریگا یاق خدمت قیلور ایدی بلکه* (جهره ایدی). Позже он стал нукером Мазид-бек-Аргуна¹. Из этого сообщения видно, что чухра были и при дворах отдельных тарханов.

Характерно, что в „Бурхани-коть“ слово „чухра“ переводится как „прямодушный (простой) безбородый мальчик“ (*پسر سادۀ امرد*), а также как „нукер“, „слуга“, „неотлучно находящийся при ком-либо“ (*ملازم*)².

Вышеупомянутое выражение „хоса тобин“ сам Захириддин Бабур определяет как „близкие“ (хана).³

Все эти сведения наводят на предположение, что генетически первое основное значение термина „чухра“ было „мальчик“, „юноша“. Вероятно, уже позже термин этот стал применяться к определенной категории воинов, и рассмотренное нами выше войсковое соединение из воинов-чухра первоначально, видимо, состояло из юношей.

Как уже указывалось, термин „чухра“ стал также применяться в специфическом смысле—„мальчик“ „бача“.

¹ Бабер-намэ, в подл. тексте, стр. 36.

² *برهان قاطع*, 1888 г. (1305 г. х.), Изд. III, стр. 346.

³ Бабер-намэ, в подл. тексте, стр. 266. См. также Л. Будагов, Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, стр. 720.

ЎЗБЕКИСТОН РЕСПУБЛИКАСИ ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ
АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ ЎЗБЕКИСТАН

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

1995

5-6-7-8

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

Издается с мая 1957 г. по 12 номеров в год.

ТАШКЕНТ
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ФАН» АКАДЕМИИ НАУК РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТА.

МАВЕРАННАХР И РОССИЯ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЭКОНОМИК И КУЛЬТУР

Со времен средневековья торговые и ремесленные центры Средней Азии соединялись сухопутными и отчасти водными путями сообщения с соседними и отдаленными регионами, в том числе с Русью и теми государствами, земли которых позже вошли в состав России.

Авторам арабо-, персо- и тюркоязычных сочинений раннего средневековья известны были Куяб (Киев), столица Булгарского царства — Булгар, а также Сувар и другие города Восточной Европы. К VIII в. относятся конкретные сообщения о торговых караванах, направлявшихся из Хорезма в Волжскую Булгарию и обратно. По формировавшемуся в течение веков Великому Шелковому пути из и через Самарканд, Бухару, Иасы (Туркестан), Ташкент, Андижан и др. поступали на Запад «свои» и транзитные товары с Дальнего Востока, из Индии и других стран.

Между народами восточных и западных стран шел оживленный обмен ремесленной продукцией, сырьем и полусырьем, что способствовало не только взаимному обогащению конкретными предметами, но и общему развитию хозяйства и культуры. Так, уже с VIII в. далеко за пределы Мавераннахра вывозилась знаменитая писчая бумага из Самарканда. О ее высоком качестве свидетельствуют дошедшие до нас рукописи X в. Из одной страны в другую перевозились и книги — распространители культуры и науки. Как свидетельствует поэт, мыслитель и государственный деятель XVI в. Захириддин Мухаммад Бабур, научные открытия великого астронома Мирзо Улугбека получили распространение во многих западных и восточных городах. «Улугбек Мирза написал в... обсерватории «Гургановы таблицы», которыми теперь пользуются во всем мире», — сообщает Бабур¹. Вместе с купцами из одного региона в другой передвигались поэты, ученые, музыканты, певцы.

Среднеазиатского происхождения, между прочим, были и верблюды, из которых состояли караваны. Как показали исследования остеологических останков животных, основным транспортным средством для перевозки товаров по степным пространствам служили именно верблюды. При этом широко использовались среднеазиатские (двугорбые) бактрианы².

С раннего средневековья до начала XIX в. одним из основных товаров, доставлявшихся из городов современного Узбекистана в Россию, были ткани, главным образом хлопчатобумажные. Они могли быть разных видов, сортов, расцветок, широкие и узкие.

Одной из распространенных на Западе тканей была зеньдаль (занданачи), некогда вырабатывавшаяся в известном центре текстильного производства — селении Зандана близ Бухары, а позже — во многих других ремесленных центрах, но сохранившая свое наименование по первоначальному месту выработки. На ранних этапах она изготовлялась из шелка; как отметил один из историков того периода, из этой ткани «вельможи и цари шьют себе одежду и покупают ее по той же цене, что и парчу».

К VI—VIII вв. относятся фрагменты тканей занданачи, представленные в нескольких музеях Западной Европы. Согдийская надпись на

¹ Бабур-наме. Ташкент, 1958. С. 61.

² Петренко А. Г. Остеологические остатки животных из Болгара/Город Болгар: Очерки ремесленной деятельности. М., 1988. С. 285.

одном из них, хранящемся в музее г. Юн в Бельгии, помогла установить название и место изготовления этой ткани. Как выяснили специалисты по древним тканям, эта богато орнаментированная шелковая ткань была изготовлена в сел. Зандана; изучение ее позволило определить как занданачи и многие другие фрагменты тканей из западноевропейских музеев. В результате археологических раскопок аналогичные ткани были найдены и на Северном Кавказе³.

В XIV—XVI вв. занданачи, изготовленная из хлопка, отличалась высокой товарностью. Письма, написанные на бересте, обнаруженные при раскопках в Новгороде, свидетельствуют о привозе этой ткани на Новгородскую землю⁴. К 1401 г. относятся документы, анализ которых дает основание говорить, что в западноевропейских городах того времени, в том числе прибалтийских, занданачи считалась одной из самых доступных горожанам привозных тканей⁵.

Ввоз в Россию занданачи («зендень») в XVII в. зафиксирован в московских описях товаров из Средней Азии. Однако под названием «зендень» в них подразумеваются разнообразные хлопчатобумажные ткани, каждая из которых имела собственное наименование. Это удалось выявить при сопоставлении московских описей со списками тех же товаров, составленными на месте отправления — в Бухаре. В этих списках названия тканей передаются на узбекском и таджикском языках арабской графикой, а слово «зендень» вообще отсутствует⁶. Анализ приведенных материалов позволяет сделать вывод: хлопчатобумажная ткань занданачи была настолько известна на Руси еще в предыдущие столетия, что название «зендень» использовалось в XVII в. и как собирательное наименование для всех среднеазиатских тканей.

Вместе с тем уже в XVII в. некоторые виды тканей привозились в среднеазиатские города из Москвы. Ярлык, составленный в 1643 г. от имени бухарского хана Абдулазиза, информирует: для ханского обихода посланник Бухары должен купить в Москве «узорчатые русские товары», «шелк цветной», «бархат франкский» (фаранги, т. е. европейский), «франкский оранжевый бархат», «чит-н фаранги»⁷. Однако количество европейских тканей, доставлявшихся в Среднюю Азию, было незначительным, и до конца XVIII в. Бухара, Самарканд и Ташкент оставались важными экспортными тканями и ткацких изделий в Россию. В дальнейшем, особенно с XIX в., вывоз среднеазиатских тканей в Россию значительно сокращается. Рост и технический прогресс российских хлопчатобумажных фабрик, сужение среднеазиатских рынков сбыта и ряд других обстоятельств, требующих специального исследования, привели к превращению прежних поставщиков ткацких изделий — среднеазиатских ремесленных центров — в сырьевые базы сбыта готовой продукции российской текстильной промышленности.

³ Sherherd D. G. and Henning W. B. Zandaniji Identified. Aus der Welt der Islamischen Kunst. Festschrift für Erns Kuhnelt. Berlin, 1959. Отд. оттиск. С. 56; Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973. С. 93; Беленицкий А. М., Бентович И. Б. Из истории среднеазиатского шелкоткачества (к идентификации тканей занданачи) // Советская археология. 1961. № 2; Иерусалимская А. А. К сложению школы художественного шелкоткачества в Согде // Средняя Азия и Иран. Л., 1972: ее же. К вопросу о связях Согды с Византией и Египтом (Об одной уникальной ткани из Северокавказского могильника Мощевая балка) // Народы Азии и Африки. 1967. № 3.

⁴ Янин В. Л. Я послал тебе бересту. М., 1975. С. 149.

⁵ Хорошкевич А. А. Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV—XV веках. М., 1963. С. 210.

⁶ Торговые сношения Московского государства с народами Средней Азии XVI—XVII вв. // Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Л., 1932. Текст. С. 426—427; перевод. С. 168.

⁷ Подробнее см.: Мукминова Р. Г. Очерки истории ремесла в Самарканде и Бухаре XVI века. Ташкент, 1976. С. 59—61.

В числе бытовых предметов, ввозившихся из Европы, упоминаются европейские часы и очки.

С раннего средневековья вплоть до XIX в. в среднеазиатские города поставлялись кожа и обувь, особенно сапоги, получившие в восточных странах распространение под названием «булгари» (от г. Булгар на Волге). В исторических источниках (например, в «Повести временных лет») зафиксировано, что уже в X в. болгарские воины носили кожаные сапоги. К тому же столетию относится сообщение о вывозе из Булгара сапог «булгари».

Широкое употребление кожи не только в быту жителей Булгара, но и вывоз ее в другие страны привели к тому, что в языках народов Европы и Азии именно в названии кожи «булгари» запечатлелось слово «болгар». Изделия из «булгари» и сама кожа под этим названием были хорошо известны в средневековой Средней Азии. Бухарский поэт Хасанходжа Нисори (XVI в.) в своей антологии приводит стихи другого поэта — Хакима Шахрисабзи, в которых сообщается о мозаичных перчатках для соколиной охоты из Булгара. По образному выражению Хакима Шахрисабзи, лапка ловчей птицы напоминала узор вышивки перчаток (рукавиц) «булгари»⁸.

Кожевническое производство болгар — кожаная мозаика, выделка и изготовление разных изделий, в том числе обуви, послужили в дальнейшем истоком знаменитого ичежнего дела и производства других видов обуви у казанских татар⁹.

Позже производство кожи «булгари» и сапог из этой кожи «наследовали русские»¹⁰, и российские письменные источники чаще называют ее «русская кожа», или «юфть». В «Толковом словаре» В. Даля читаем: «юфть», «юхотник, кожевник. Казанские юхотники и сафьянщики». При этом Даль отмечает, что слово «юфть», возможно, болгарского происхождения¹¹. В том же значении переводится слово «болгар», «булгари» в персо-русских словарях¹².

«Болгарские сапоги» были предметом внешней торговли и пользовались известностью в Туркестане», — писал В. В. Бартольд.

Сапоги и кожа «булгари» поставлялись из России и в Бухару, но в XIX — начале XX в. эта кожа вырабатывалась уже в самой Бухаре. Она определяется как «местная кожа сорта булгари» (булгарская). «... Татары торговали кожей: из Бухары в Россию вывозили желтую кожу (булгари)»¹³.

Как и в средневековом Поволжье, кожа «булгари» в Бухаре XIX в. использовалась не только для пошива обуви. В «Каталоге архива кокандских ханов XIX века» приводится, например, документ о выдаче для мастерской «пушкарного приказа» (ишхана-и тубхана) кожи «булгари» (юфть), наряду со сталью (булат), ляпис-лазурью и другими материалами¹⁴.

Торговлю между Средней Азией и Россией в довольно крупных масштабах вели джуйбарские шейхи из Бухары, Захарий Богданов, приказчики братьев Строгановых и др. К концу XVI в. относится сообщение среднеазиатского историка Бадриддина Кашмири об участии

⁸ Хасанходжа Нисори. Музакири ахоб. Тошкент, 1993. С. 182.

⁹ Хлебникова Т. А. Кожевническое дело//Город Булгар. С. 249.

¹⁰ Бартольд В. В. Культура мусульманства//Соч. Т. VI. М., 1966. С. 187.

¹¹ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. IV. С. 670.

¹² См., напр.: Полный персо-арабско-русский словарь/Сост. полковник И. Д. Ягелло. Ташкент, 1910. С. 264; Персо-русский словарь: В двух томах/Под ред. Ю. А. Рубинчика. М., 1970. С. 216, 217.

¹³ Сухарева О. А. Квартальная община позднефеодального города Бухары. М., 1976. С. 90.

¹⁴ Тронцкая А. Л. Каталог архива кокандских ханов XIX века. М., 1968. С. 317.

В торгах в Бухаре купцов «со всего мира». Некоторые из них приезжали с переводчиками, другие сами знали язык народов той страны, куда приезжали. В результате осуществлялось общение представителей разных народностей, которые могли поделиться своими впечатлениями о странах, обычаях и быте народов, обитавших там. Эту черту как одну из характерных для купцов подметил еще великий мыслитель Алишер Навои. «Купцы благодаря своему ремеслу, путешествиям,—писал он,—представление о странах и городах имеют, об удивительных вещах и диковинных событиях рассказывать умеют». Между прочим, распространение произведений Навои уже при его жизни среди жителей Поволжья — одно из убедительных свидетельств культурных взаимосвязей Средней Азии с северо-западными странами¹⁵.

Среди предметов экспорта-импорта были и лекарственные травы. Из Ташкента во многие страны, вплоть до Европы, вывозилась, например, дармана — цитварная полынь, в листьях и корзинках соцветий которой содержится терпеноид сантонин. В проекте создания в России компании по торговле со среднеазиатскими ханствами на основе договорных соглашений (1730 г.) Пьер Кук, перечисляя товары, вывозимые из Средней Азии, писал: «Да семья Дремена, которое родится в Ташкенте и иное купцы привозят в Персидскую и Турецкую области и из Турецкой возят в немецкие страны».

Богатый ассортимент овощей, культивировавшихся в Средней Азии, дополнился в XIX в. за счет культуры картофеля. Впервые его здесь стали разводить в селении Нугай-Кургац, под Ташкентом, где проживали татары — выходцы из Поволжья (в XIX в. поволжских татар в Средней Азии называли нугаями). Отсюда он постепенно распространился по всей Средней Азии. Доставленный первоначально из России, он сохранил свое русское название «картошка»¹⁶.

Из Средней Азии через г. Булгар проникли на Русь шахматы. Шахматные фигуры найдены при археологических раскопках на территории Волжской Булгарии X в.

Торговые взаимосвязи сопровождались оформлением договоров и денежных документов. Возникали торговые товарищества, вступавшие в связи между собой и использовавшие при этом денежные документы определенной формы. Несмотря на отсутствие в позднесредневековый период крупных коммерческих учреждений современного типа, по документу, выданному в одном месте, купцы могли получить деньги в другом городе даже если он находился под властью иного правителя. Подобная торговая операция осуществлялась при помощи чеков, которые могли быть приобретены в одном городе, а использованы в другом. Чеки получили широкое распространение сначала в коммерческом мире Востока, а позже перешли в деловой мир Запада¹⁷.

Эти экономические взаимосвязи получали поддержку на государственном уровне. В них участвовали нередко и сами правители. До нас дошли письма государей, специальные указы, инструкции, акты, имевшие целью развивать и расширять взаимовыгодную международную торговлю, обеспечивать нормальный обмен и передвижение товаров.

Вместе с послами и купцами в иностранные государства прибывали путешественники и ученые, желающие расширить свои знания. Имена

¹⁵ См., напр.: Абидов Ш. Ш. Творчество татарского поэта Мухамедьяра (XVI в.): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 1960. С. 15.

¹⁶ Пашиню П. П. Туркестанский край в 1866 г.: Путевые заметки. СПб., 1868.

¹⁷ Бартольд В. В. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии//Соч. Т. V. М., 1968. С. 110; Пигулевская Н. В., Якубовский А. Ю., Петрушевский И. П. и др. История Ирана с древнейших времен до конца XVIII века. Л., 1958. С. 126.

отдельных представителей некоторых народов сохранились в названных кварталах и площадях разных городов, рвов и т. п. (Тазик яр в Казани, квартал Ходжа Булгар и Бухаре и др.).

Экономические отношения между народами отдельных стран могли влиять и на структуру взаимосвязанных между собой городов. В. О. Ключевский писал: «...В далекой Москве, которая одинаково подвергалась влиянию и Запада, и Востока, торговля одним и тем же товаром также всегда была сосредоточена в одних и тех же рядах, как в Бухаре и других городах Востока... Для каждого товара назначены были особые места и лавки»¹⁸.

Происходили заимствования и в области строительства, в частности в наименованиях строительного материала. Особый интерес в этом плане представляет слово «кирпич» (кӱрпич), упоминаемый в словаре Махмуда Кашгари (XI в.)¹⁹ и более поздних тюркоязычных сочинениях и словарях²⁰.

Языковые взаимодействия приводили к обогащению словарей народов, нередко территориально отдаленных друг от друга. Эти взаимосвязи экономик и культур отвечали кровным интересам народов Средней Азии и России.

¹⁸ Ключевский В. О. Сказания иностранцев о Московском государстве. Пг., 1918. С. 225.

¹⁹ Махмуд Кашгарий. Туркий сузлар девони (Девону лугатит турк.). Т. I. Тошкент, 1960. С. 424.

²⁰ Русско-татарский словарь. Т. II. Казань, 1956. С. 75; и др.

В. А. GERMANOV

ПОЧЕМУ НЕ СОСТОЯЛИСЬ РЕФОРМЫ ЭМИРА САИДА АЛИМХАНА

В связи с наметившимся, особенно после провозглашения независимости Узбекистана, интересом к событиям, повлекшим за собой крушение в 1920 г. Бухарского эмирата, наше внимание привлекает книга, опубликованная по горячим следам участником указанных событий, впоследствии академиком двух академий — Узбекистана и Таджикистана, известным историком и литературоведом Садриддином Айни, первым президентом Академии наук Таджикистана.

Это — «Материалы по истории младобухарского движения и бухарской революции». Книга была написана С. Айни по предложению назира просвещения Бухарской республики Кары-Йолдаша Пулатова. Рукопись, посвященная истории Бухары от времени правления эмира Насруллы (1826—1860) до сентября 1920 г., была завершена в том же 1920 г. Тем не менее, хотя автор незамедлительно получил за нее гонорар, книга была опубликована лишь в 1926 г. С тех пор она не переиздавалась, не переводилась с узбекского языка и не вошла в самые полные собрания сочинений классика таджикской и узбекской литературы. Лишь недавно опубликован перевод этого произведения на таджикский язык, осуществленный Рахимом Хашимом. Отдельные фрагменты, переведенные П. Шахристаном на русский язык, увидели свет в журнале «Памир» (Таджикистан)¹.

Рукопись С. Айни, насчитывающая 570 стр. в четвертую долю писчего листа (не считая оглавления) и хранившаяся первоначально в Бухарском государственном издательстве, еще до своего издания привлекала внимание видных исследователей. Так, акад. А. Н. Самойлович,

¹ Айни Садриддин. История революции в Бухаре, Памир. 1986. № 4. С. 122—133; № 5. С. 80—93.